

Л.Я. Штернберг

**Материалы по изучению гиляцкого языка и
фольклора**

**Том 1. Образцы народной словесности. Часть 1.
Эпос (поэмы и сказания, первая половина)**

УДК 82-3
ББК 84
Л11

Л11 **Л.Я. Штернберг**
Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора: Том 1. Образцы народной словесности. Часть 1. Эпос (поэмы и сказания, первая половина) / Л.Я. Штернберг – М.: Книга по Требованию, 2023. – 254 с.

ISBN 978-5-518-07395-1

ISBN 978-5-518-07395-1

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Прежде всего нѣсколько словъ о народѣ, создавшемъ предлагаемые образцы фольклора.

Гиляки¹⁾ — крошечное племя, не превышающее численностью шестп тысячъ душъ. Территорія ихъ — сѣверная половина Сахалина, лиманъ и низовья Амура до с. Гери и прилегающее материковое побережье. Въ культурномъ отношеніи—это примитивные полуосѣдлые рыболовы и охотники, правда, уже сравнительно давно знакомые съ желѣзомъ, благодаря общенію съ маньчжурами и японцами. Ихъ упряжное животное — собака. Зимнее жилище — землянка... Религія—примитивный анимизмъ съ обычными его спутниками — культомъ антропоморфныхъ «хозяевъ» природы, животныхъ, разнаго рода духовъ и, наконецъ, сородичей-богоизбранниковъ... Соціальный строй покоится на основѣ родового союза (по мужской линіи), не знающаго ни патріархальной власти, ни другихъ принудительныхъ элементовъ. Родъ — единственная и высшая форма общественной организаціи: ни сложный родъ, ни племенной союзъ имъ неизвѣстенъ. Семейный строй—бракъ, моноандрической по формѣ, но фактически допускающій свободное половое общеніе съ лицами опредѣленныхъ родственныхъ группъ. Лица, принадлежащія къ одной и той-же группѣ по своимъ сексуальнымъ правамъ, носятъ общее родственное названіе (классификаціонная система родства, впервые найденная у Гиляковъ авторомъ въ 1891 г.²⁾.

Въ соматическомъ отношеніи — это монголоидное племя, первона-

1) Подробнѣе см. статью автора «Гиляки» (Этнографич. Обзор. №№ 60, 61 и 63), тоже и отдѣльное изданіе, М., 1905 г.

2) См. «Гиляки», *op. cit.*, гл. III и VI.

чальный типъ котораго, подъ вліяніемъ постояннаго притока крови сосѣднихъ племень, въ настоящее время крайне запутанъ примѣсью чертъ аинскаго и тунгусскаго типовъ. Но, потерявъ въ значительной степени свою антропологическую индивидуальность, Гиляки въ другихъ отношеніяхъ стоятъ совершенно изолированно среди окружающихъ ихъ народовъ: съ одной стороны—Айновъ (Айну), съ другой—тунгусскихъ племень: Ольчей, Ороковъ, Орочей, Гольдовъ. Объ этой изолированности свидѣлствуютъ, прежде всего, какъ многія своеобразныя черты ихъ матеріальной культуры, такъ и въ особенности ихъ социальна-религіозныя учрежденія¹⁾. Но самой знаменательной особенностью этого таинственнаго племени, привлекающей къ нему интересъ одинаково какъ этнографа, такъ и лингвиста,— это его языкъ. Ни по лексическому матеріалу, ни по грамматическому строю, языкъ Гилякъ не можетъ быть сближаемъ ни съ языками ихъ непосредственныхъ сосѣдей — съ одной стороны Айновъ, съ другой—упомянутыхъ тунгусскихъ племень, ни съ другими извѣстными намъ языками азіатскаго континента, и, наоборотъ, есть основаніе думать, что ближе всего гиляцкій языкъ стоитъ къ языкамъ американскимъ²⁾. Отсюда естественный интересъ къ языку и фольклору этого племени, которые могутъ пролить свѣтъ на темнѣйшую страницу этнографіи — на древнюю связь между народами Восточной Азіи и Сѣверной Америки.

На основаніи, главнымъ образомъ, этой лингвистической изолированности, покойный академикъ Леопольдъ Шренкъ, сдѣлавшій первый записъ словъ гиляцкаго языка и первый давшій намъ монографическую работу³⁾ объ этомъ племени, выдѣлилъ Гилякъ, вмѣстѣ съ Чукчами, Юкагирами, Камчадалами, Коряками, Енисейскими остяками, Айнами, въ особую группу *палеазиатовъ*. Нѣкоторые изъ языковъ этихъ изолированныхъ народовъ, равно какъ и ихъ фольклоръ, какъ, напр., чукотскій, коряцкій, камчадалскій, юкагирскій, отчасти аинскій, въ настоящее время достаточно изучены, и въ результатѣ получились очень интересныя сближенія⁴⁾.

Что касается гиляцкаго языка, то до начала этого вѣка всѣ свѣдѣнія объ этомъ языкѣ, имѣющія научное значеніе, ограничивались спискомъ

1) Подробности см. ст. «Гиляки», *op. cit.* гл. I, III и IV.

2) См. L. Sternberg, «Bemerkungen über die Beziehungen zwischen der Morphologie der giljakischen und amerikanischen Sprachen» (Internat. Amerikanisten-Kongress, 1904), также ст. «Гиляки», гл. I.

3) L. v. Schrenck, «Reisen und Forschungen im Amurlande». B. III.

4) Ср. W. Bogoras, «The Folklore of northeastern Asia, as compared with that of northwestern America» (Amer. Antrop., 1902, v. 4)—W. Gochelson, «Ueber asiatische und amerikanische Elemente in den Mythen der Korjaken» (XIV Amerikanisten-Kongress, 1904).—Тексты, собранные гг. В. Г. Богоразомъ и В. И. Гождельсономъ среди чукочъ и юкагировъ, изданы Имп. Академіей Наукъ въ 1900 г.

словъ п выраженій, записанныхъ въ 50-хъ годахъ Шренкомъ п Гленомъ п весьма тщательно обработанныхъ въ 1891 г. профессоромъ В. Грубе¹⁾, причемъ, къ сожалѣнію, въ распоряженіи послѣдняго не было ни одного связаннаго переведеннаго текста, на основаніи котораго можно было бы сдѣлать какія-нибудь грамматическія заключенія. Четыре маленькія гилацкія пѣсни, записанныя Шренкомъ, остались непереверденными п потому не могли быть использованы.

Въ ноябрѣ 1900 г. въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ» (Т. XIII, № 4) появились «Образцы матеріаловъ по изученію гилацкаго языка п фольклора», собранныхъ на островѣ Сахалинѣ п въ низовьяхъ Амура пишущимъ эти строки. Въ этой статьѣ, кромѣ введенія п главы о фонетикѣ п способѣ транскрибированія, данъ оригинальный текстъ цѣлой поэмы съ дословнымъ переводомъ п обширными лингвистическими примѣчаніями, дающими достаточное представленіе о фонетическихъ особенностяхъ п грамматическомъ строѣ гилацкаго языка.

Такимъ образомъ, это былъ первый п единственный въ то время текстъ гилацкаго фольклора, ставшій достояніемъ науки. Въ настоящемъ изданіи мы даемъ первое систематическое собраніе гилацкихъ текстовъ съ дословнымъ переводомъ п фольклорными примѣчаніями. Предлагаемая первая часть обнимаетъ только начало эпоса; далѣе послѣдуютъ, кромѣ окончанія эпоса, остальные тексты всѣхъ родовъ поэзіи Гилакъ, но п въ этомъ неполномъ видѣ настоящее собраніе, позволяемъ себѣ думать, должно представлять интересъ одинаково какъ для лингвиста, такъ п для этнографа п фольклориста.

II.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ собранныхъ текстовъ, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они были собраны. Изученіемъ Гилакъ п ихъ сосѣдей я занимался съ нѣкоторыми перерывами съ января 1891 г. по май 1897 г.²⁾ Въ теченіе этого времени я объѣхалъ весь островъ Сахалинъ (территорія Гилакъ, Ороковъ, п Айпу), материковое побережье, лиманъ п низовья Амура (амурскіе Гилакя, Ольчи п Гольды),—наконецъ, Императорскую гавань п прилегающую территорию Орочей. Когда я приступилъ (1891 г.) къ изученію Гилакъ, упо-

1) Dr. Wilhelm Grube, «Giljakisches Wörterverzeichnis nebst grammatischen Bemerkungen» (Anhang z. III B. Reisen und Forsch. im Amurlande von Dr. L. v. Schrenck).

2) Подробнѣе о работахъ автора на Сахалинѣ п въ Примурскомъ краѣ, см. упомянутые «Образцы матеріаловъ» въ «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ», Т. XIII, № 4, вступленіе.

мянутая работа д-ра Грубе еще не появилась, и съ нею мнѣ пришлось ознакомиться только послѣ возвращенія въ Европу. По условіямъ моего пребыванія на Сахалинѣ, очень долго для меня оставались недоступными и работы Шренка объ исторіи и матеріальномъ бытѣ пріамурскихъ народовъ, которыя значительно могли-бы облегчить мои первые шаги. Къ счастью, это обстоятельство не имѣло никакихъ неблагопріятныхъ послѣдствій для характера моихъ работъ. Прежнія мои научныя занятія — преимущественно въ области гуманитарныхъ наукъ — естественно толкали меня какъ разъ въ ту область, которая менѣ всего, какъ оказалось, была разработана Шренкомъ, именно въ область соціальной и духовной культуры. Меня интересовали, прежде всего, строй семьи, рода, религія, наконецъ, поэзія и языкъ. Особенно меня интересовали въ то время первыя двѣ отрасли, и, болѣе всего свѣдуцій въ нихъ, я съ нихъ и началъ. Для перваго ознакомленія съ новымъ для меня строемъ жизни, я предпринялъ объѣздъ селеній сѣверной части Сахалина, дѣлалъ посемейную перепись населенія, попутно изучая родственную номенклатуру. При этой работѣ, требовавшей кропотливыхъ повтореній однообразныхъ вопросовъ, достаточно, казалось, — для начала, по крайней мѣрѣ, — небольшого запаса словъ, добытаго изъ области терминологіи родства и хозяйственныхъ отношеній, для переговоровъ при переписи и для контролрованія Гиляка, подготовленнаго мною для работы переводчика. Безъ особенныхъ затрудненій шло также и первоначальное ознакомленіе съ внѣшними формами быта и религіозными обрядами.

Но уже очень скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что безъ основательнаго знанія языка подлинная жизнь заинтересовавшаго меня племени, и особенно психическія стороны ея, останутся для меня сокрытыми. Пришлось, поэтому, оставить все остальное и взяться, прежде всего, за изученіе языка. Условія для этого были мало благопріятны. Среди русскихъ не было ни одного человѣка, знакомаго съ гиляцкимъ языкомъ, хотя на языкахъ другихъ туземцевъ, — наприм., на айскомъ, — свободно объяснялись даже многіе чиновники. Но не для однихъ русскихъ гиляцкій языкъ оставался недоступнымъ. Исконные сосѣди Гилякъ — Орочи, Айвы, Ольчи — легко усваивали всѣ другіе употребительные мѣстные языки, но не гиляцкій. И Гилякамъ приходилось въ сношеніяхъ съ сосѣдями объясняться на айскомъ, орокскомъ, гольдскомъ, но не на своемъ собственномъ языкѣ. Но менѣ всего было среди нихъ лицъ, болѣе или менѣ свѣдущихъ въ русскомъ языкѣ. Переводчика всякій разъ приходилось создавать, готовить его даже для спеціального рода вопросовъ. Первое время приходилось особенно трудно, такъ-какъ въ моей невольной резиденціи, въ сел. Віахту на пустынномъ берегу Татарскаго пролива, не было ни одного Гиляка, хоть сколько-нибудь знающаго по-русски. Мои попытки къ изученію языка по слуху, разговорнымъ путемъ, не имѣли успѣха. Фонетика

и грамматическій строй оказались до такой степени чуждыми и трудно преодолимыми, что отъ практическаго метода изученія пришлось разъ навсегда отказаться. Я рѣшилъ, поэтому, подойти къ своей задачѣ болѣе долгимъ путемъ теоретическаго изученія. Окруживъ себя, при первой представившейся возможности, нѣсколькими молодыми Гиляками, кое-какъ объяснявшими по-русски, я сталъ записывать краткіе тексты, добиваясь въ то же время анализа фразъ, дословнаго перевода и осмысливанія грамматическихъ особенностей. На первыхъ порахъ работа шла крайне трудно, ибо мои учителя съ трудомъ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что фразы состоятъ изъ отдѣльныхъ словъ, и съ легкимъ сердцемъ огорашивали меня длиннѣйшими періодами, которые я едва успѣвалъ записывать въ самомъ несовершенномъ видѣ. Вдобавокъ, кропотливые разпросы быстро надоѣдали имъ, и наши сеансы шли съ большими перерывами. Но съ каждымъ днемъ, съ каждой разобранный фразой дѣло становилось легче, ибо подвигался впередъ не только я, но и мои учителя. Они не только приобрѣтали больше познаній въ русскомъ языкѣ, но и научались анализировать свой собственный языкъ. Нерѣдко мнѣ приходилось съ удивленіемъ слышать, какъ еле объясняющійся по-русски подростокъ пытается перевести мнѣ совершенно инкорпорировавшуюся форму суффикса—послѣлога или плеонастическій префиксъ соответствующими русскими предлогами и опредѣленіями,—процессъ, требующій тонкаго лингвистическаго чутья, котораго меньше всего можно было ожидать отъ первобытнаго человѣка.

Къ сожалѣнію, учителя безконечно мѣнялись, и едва, бывало, успѣваешь приспособить кого-нибудь, какъ онъ уже торопится уѣзжать, и масса времени уходила на постоянное обученіе своихъ собственныхъ учителей¹⁾.

Но если въ грамматическія тайны мнѣ удалось проникнуть сравнительно легко, то не такъ дѣло обстояло съ фонетикой. Усвоеніе нѣкоторыхъ даже основныхъ для гиляцкаго языка звуковъ, какъ, напр., особаго вида «корональныхъ» и «дорсальныхъ», давалось лишь послѣ долговременныхъ успій и постоянныхъ самопроѣрокъ. Чтобы разобраться въ нѣкоторыхъ звукахъ, приходилось часто допытываться у самихъ Гилякъ, какія манипуляціи они продѣлываютъ тѣми или другими органами рѣчи, и часто этотъ методъ оказывался наиболѣе цѣлесообразнымъ.

Прябѣгъ я и къ другому способу. Я обратился къ одному изъ друзей, Б. О. Пилсудскому, въ то время тоже проживавшему на Сахалинѣ и интересовавшемуся инородцами, съ просьбой параллельно со мной записывать нѣ-

1) Уже послѣ моего отъѣзда выработался переводчикъ Индынь, ученикъ Б. О. Пилсудскаго, окончившій городское училище во Владивостокѣ, но, къ несчастью, скоро ставшій жертвой науки и скончавшійся отъ туберкулеза.

которые тексты, дабы возможно было контролировать правильность записанных звуковъ. Но два европейца—мы часто расходились въ воспріятіи нѣкоторыхъ звуковъ. Таковы трудности гяляцкой фонетики, для исчерпывающаго анализа которой потребовался-бы долгій трудъ цѣлаго ряда подготовленныхъ изслѣдователей.

Преодоливъ первоначальныя трудности грамматическаго разбора текстовъ и усвоенія основъ фонетики, пріобрѣвъ достаточный запасъ лексическаго матеріала, я столкнулся съ дальнѣйшими трудностями, хорошо знакомыми всякому собирателю и породческихъ текстовъ, именно съ трудностями, сопряженными съ нахожденіемъ подходящихъ лицъ для записыванія отъ нихъ *цѣльныхъ* поэтическихъ произведеній.

Нѣтъ ничего легче, какъ имѣть случай послушать гяляцкаго сказочника. Но записывать за нимъ чрезвычайно трудно. Прежде всего, Гялякъ говоритъ чрезвычайно быстро; далѣе, языкъ сказочника — архаическій, очень отличный отъ разговорнаго, и многіе Гяляки сами нуждаются въ разъясненіяхъ. Вдобавокъ существуетъ цѣлый родъ поэзіи, т. наз. *настунд*, образцы котораго произносятся въ экстазѣ, чаще всего поются и притомъ съ такой головокружительной быстротой и съ такими завываніями и модуляціями, что нѣтъ никакой возможности не только записывать, но часто и улавливать общій смыслъ распѣваемаго текста.

Для воспроизведенія такихъ текстовъ нѣтъ много средства, какъ заставить рассказчика диктовать слово за словомъ, фразу за фразой. Этой скучной работы Гяляки не любятъ: она ихъ утомляетъ больше любого физическаго труда. Чтобы пріучить человѣка къ такой работѣ, требуется время, и использовать его удобнѣе всего, поэтому, только стационарно. Вотъ почему, хотя мною собрано много текстовъ отъ различныхъ лицъ въ различныхъ мѣстахъ гяляцкой осѣдлости, но *большая* часть исходитъ изъ двухъ-трехъ пунктовъ, гдѣ я могъ работать довольно продолжительное время на одномъ мѣстѣ. Да и въ этихъ пунктахъ приходилось пользоваться для систематической работы услугами очень немногихъ — двухъ-трехъ лицъ, иногда довольствовалъ и однимъ, такъ какъ сказочниковъ-профессіоналовъ, т. е. дѣйствительныхъ поэтовъ и импровизаторовъ, очень мало, а изъ нихъ—при ихъ крайней нервности—не всякій обладаетъ здоровымъ терпѣніемъ, чтобы слово за словомъ диктовать большія поэмы въ нѣсколько сотъ строкъ. Заполучивъ такого индивидуума, естественно стараешься выжать изъ него какъ можно больше, предпочитая его одного многимъ посредственно-

III.

Объ этихъ сказочникахъ-профессионалахъ, своеобразныхъ бардахъ, стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Гяляцкій сказочникъ—исключительная натура, настоящій избранникъ боговъ. Недаромъ сказочниками чаще всего являются шаманы или ихъ паслѣдники. О знаменитыхъ гяляцкихъ шаманахъ обыкновенно, наряду со всевозможными сверхъестественными подвигами, рассказываютъ, что они проводили цѣлые дни въ непрерывномъ рассказываніи сказокъ и распѣваніи импровизированныхъ поэмъ. Бываютъ, конечно, исключенія, но по психической природѣ своей сказочникъ и шаманъ—родственные натуры. И тѣ, и другіе—болѣзненные, нервные, истеричные типы, легко впадающіе въ экстазъ—обладаютъ даромъ видѣній; и тѣ, и другіе вѣрятъ въ свое избранничество и имѣютъ собственныхъ духовъ-покровителей.

Характерной чертой гяляцкаго сказочника—это даръ импровизаціи. Самыя замѣчательныя формы импровизаціи имѣютъ мѣсто въ состояніи настоящаго транса. Внезапно лицо поэта блѣднѣетъ, глаза становятся большими и неподвижными, весь онъ вытягивается въ полный ростъ, и изъ груди его выкатывается неудержимый потокъ нечеловѣческихъ речитативовъ, то гулкихъ и страшныхъ, какъ вой голодныхъ хищниковъ, то мрачныхъ, душевраздирающихъ, какъ причитанія на посмертныхъ кострахъ, то нѣжныхъ, ровныхъ и тихихъ, какъ звуки гяляцкой однострунной скрипки, и потокъ этотъ безъ всякихъ паузъ и передышекъ льется до тѣхъ поръ, пока поэтъ не исчерпаетъ сюжета и, изможденный, обезсиленный, не падаетъ среди нѣмого одобренія аудиторіи на твердую нару... При видѣ такихъ сценъ невольно вспоминается пзвѣстная историческая сцена въ домѣ Гете, когда гостившій у него Мицкевичъ, внезапно вскочивъ со своего мѣста, блѣдный, съ остановившимся взоромъ, въ состояніи полного автоматизма, съимпровизировалъ передъ геніальнымъ хозяиномъ длинную стихотворную поэмю...

Импровизаціи поэта, даже самыя обычныя—внушенія особаго *духа*, міф-кехң (земной духъ), который имѣетъ свое мѣстопребываніе на кончикѣ языка пѣвца, диктуютъ ему свои божественныя фантазіи. Съ покровительствомъ этого духа связана сама жизнь пѣвца. Существуетъ трогательное повѣрье, что въ тотъ моментъ, когда покровительствующій духъ покидаетъ бѣднаго пѣвца, послѣдній умираетъ. Оттуда и то страшное напряженіе всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ пѣвца во время импровизаціи, когда путемъ нечеловѣческихъ выкриковъ и завываній онъ бессознательно гипнотизируетъ себя, чтобы поддержать въ себѣ тотъ подъемъ, съ которымъ связана его жизнь. Оттуда и трогательная заботливость аудиторіи пѣвца, которая во все время сеанса поддерживаетъ его ободряющимъ вос-

клищаніями, не давая ему уснуть внезапно, ибо бывают случаи, когда под утро усталый пѣвецъ, послѣ цѣлой ночи напряженія, обрываетъ на полусловѣ и засыпаетъ, и бывало также, что пѣвецъ при этомъ, не то отъ переутомленія, не то отъ страха быть покинутымъ своимъ духомъ-хранителемъ, дѣйствительно засыпалъ навѣки..

Одного изъ такихъ поэтовъ-пэбранниковъ, — правда начинающаго, почти подростка, но уже славившагося своими талантами, — мнѣ удалось наблюдать очень близко изо дня въ день въ теченіе нѣсколькихъ недѣль совмѣстнаго съ нимъ сожителства. Это былъ сынъ знаменитаго, уже покойнаго въ то время ады-тымовскаго шамана, юноша лѣтъ 15—16, по имени Койнытъ.

Бѣдный, какъ Іовъ, одинокій, безиріютный, богатый только духами-помощниками для этой жизни и большими надеждами въ загробной (онъ имѣлъ цѣлыхъ двѣ души въ наслѣдіе отъ отца, который, въ свою очередь, имѣлъ ихъ цѣлыхъ четыре), онъ отдался весь своему призванію, получалъ видѣнія, истерическіе припадки, импровизировалъ поэмы, пѣлъ пѣсни, и Гиляки, страстные любители поэзіи, цѣлыми ночами слушали его, даря его потомъ юкалой, ремнями и т. п. мелочами. Вотъ этотъ юноша, готовившійся стать со временемъ шаманомъ, согласился, благодаря посредничеству нашихъ друзей-Гилякъ, переѣхать на время въ сел. Рыковское, чтобы, за теплый уголь и соблазнительныя прелести русскаго стола, дѣлиться со мною богатствами своей фантазіи и знаніями своего племени.

Изъ эпизодовъ нашего сожителства особенно памятнымъ остался для меня тотъ моментъ, когда при мнѣ случилось на него, если можно такъ выразиться, шаманская благодать... Однажды онъ заспался дольше обыкновеннаго. Мы сидѣли съ другимъ гиляцкимъ подросткомъ, хорошимъ рассказчикомъ Индыномъ, и бесѣдовали. Внезапно Койнытъ, спавшій въ той же комнатѣ, вскочилъ со своего ложа съ нечеловѣческимъ крикомъ и, поднявъ руки вверхъ, съ безумнымъ взоромъ, искаженнымъ лицомъ, сталъ импровизировать... И я, и мой собесѣдникъ оцѣпенѣли отъ этого бурнаго потока воплей, завываній, рычаній, выкриковъ, бѣснованій, за шумомъ которыхъ только время отъ времени долетали до насъ обрывки фразъ и словъ, и не успѣли мы притти въ себя отъ этой неожиданности, какъ крики внезапно оборвались, и Койнытъ съ полузакрытыми глазами, блѣдный, безсильный, опустился на свое ложе. «Ну, — сказалъ Индынь, — теперь ужъ Койнытъ человѣкомъ не будетъ, кехъ хочетъ заставить его свой законъ держать»... Такъ тѣсно связана поэзія въ представленіи Гилякъ съ религіей.

Впрочемъ, поэзія культивируется у Гилякъ не однимъ избранникомъ, въ родѣ Койныта. Людей съ поэтическимъ темпераментомъ среди нихъ довольно много. Вдобавокъ, какъ всѣ первобытные люди, Гиляки обладаютъ тонко развитой памятью, и каковъ бы ни былъ первоначальный источникъ

той или другой пьесы, въ концѣ концовъ, переходя изъ усть въ уста, она становится общимъ народнымъ достояніемъ. Почти нѣтъ, поэтому, среди Гилякъ человека, который не зналъ бы цѣлаго ряда тѣхъ или другихъ распространенныхъ сюжетовъ или пѣсенъ. Вся разница — въ искусствѣ передачи, въ стилѣ, въ подробностяхъ. Но публично рѣдко какой Гилякъ рѣшается выступить, и когда въ долгія зимнія ночи въ большой юртѣ собирается народъ послушать поэзіи, готовый сидѣть до самаго утра, то на сценѣ всегда фигурируетъ настоящій поэтъ—избранникъ «духа».

IV.

Несмотря на отсутствіе письменности, репертуаръ духовнаго творчества Гилякъ довольно богатъ и разнообразенъ. Они сами различаютъ слѣдующіе виды поэзіи.

I. Кеѣ аінд (букв.: «событія дѣлать») — *историческій* эпосъ, сказанія о дѣйствительныхъ событіяхъ болѣе или менѣе памятнаго прошлаго, преимущественно изъ области войнъ, кровавой мести. Обычная ихъ форма — сжатое безъ всякихъ прикрасъ повѣствованіе о перипетіяхъ того или другого событія. Характерно, что изъ собственныхъ именъ въ такихъ разсказахъ фигурируютъ только названія мѣстностей, но собственные имена дѣйствующихъ лицъ отсутствуютъ: все, что даетъ о нихъ повѣствователь, заключается въ упоминаніи, что то были жители такой-то деревни. Тѣмъ болѣе странно это, что у тунгусскихъ народовъ, сосѣднихъ съ Гиляками, историческій эпосъ изобилуетъ собственными именами героевъ.

Основная причина этого страннаго факта, повидимому, кроется въ особенностяхъ строя гиляцкаго рода, не знающаго никакихъ организованныхъ элементовъ власти, въ тѣхъ условіяхъ социальной организаціи, при которыхъ настоящимъ героемъ является не отдѣльное лицо, а сплоченный коллективъ рода. Сила этого послѣдняго именно заключается въ удивительномъ сочетаніи безграничной солидарности всѣхъ съ полной свободой развитія личности, — поэтому-то въ трудную минуту общаго бѣдствія, когда требуются герои, ихъ нѣтъ только потому, что всѣ — герои. У тунгусскихъ племенъ, сосѣдей Гилякъ, какъ у бывшихъ оленоводовъ-кочевниковъ, наоборотъ, сила рода гораздо слабѣе. Впрочемъ, воздержаніе отъ употребленія собственныхъ именъ героевъ прошедшаго могла быть вызвана и религіозными соображеніями, такъ какъ Гиляки тщательно избѣгаютъ упоминать имена своихъ покойниковъ.

Спеціально этотъ родъ поэзіи не культивируется. Фантазія поэта не увлекается историческими сюжетами. О нихъ повѣствуетъ отецъ дѣтямъ, старикъ — молодежи, но на вечерахъ сказочниковъ ихъ слышать не прихо-

дится. Для фольклориста сухіе съ виду историческіе рассказы представляютъ тѣмъ не менѣе большой интересъ, какъ богатый матеріалъ для изученія быта и особенно обычаевъ местъ и войны.

II. Тылгунд—сказаніе, быль (вѣроятно, отъ прилагательнаго тыланд—далекій, старинный)—эпосъ съ непремѣннымъ элементомъ *чудеснаго*. Сюда входятъ, прежде всего, мпы о происхожденіи міра и человѣка, сказанія о жизни того или другого «хозяина» природы, божественнаго животнаго, духа и т. д. Далѣе, идутъ рассказы, въ которыхъ наряду съ обыкновенными смертными фигурируютъ тѣ же герои мифа и культа,—боги-хозяева, обоготворенные звѣри и люди и всевозможные духи неба, моря и земли. Значительную часть этого рода тылгунд составляютъ рассказы о любовныхъ связяхъ и даже брачныхъ союзахъ людей съ разнаго рода животными—земноводными и водяными: медвѣдями, тиграми, тюленями, даже рыбами и т. д., причемъ животныя, согласно основному міросозерцанію Гилякъ, рисуются какъ существа совершенно человѣкоподобныя, и по физической своей природѣ, и по образу жизни, но которыя въ то же время любятъ показываться человѣку въ образѣ тѣхъ или другихъ животныхъ.

Другой обычный сюжетъ—охотничьи приключенія, причемъ фабулу опять-таки составляетъ столкновеніе человѣка съ добрыми и злыми духами, чаще всего съ животными. Изъ этой категоріи особенный интересъ представляютъ рассказы о благодарныхъ животныхъ—тиграхъ и медвѣдяхъ, испытавшихъ на себѣ великодушіе человѣка. Благодарное животное обыкновенно забираетъ съ собою избавителя въ свой домъ, одариваетъ его пушиной, иногда отдаетъ замужъ свою сестру или дочь и навсегда становится вѣрнымъ союзникомъ человѣка. Нѣкоторыя изъ этихъ легендъ—по сюжету—представляютъ поразительную аналогію съ греко-римскимъ цикломъ сказаній о благодарныхъ животныхъ.

Наконецъ, идутъ всевозможные бытовые рассказы вплоть до юмористическихъ включительно, но съ непремѣннымъ элементомъ чудеснаго, будетъ-ли это участіе духовъ, или особые магическіе таланты героя-человѣка.

Характерная особенность для *осныхъ* видовъ тылгунд заключается въ томъ, что Гиляки видятъ въ нихъ не продукты фантазіи, а реальныя событія, имѣвшія мѣсто въ дѣйствительности. Выдумывать тылгунд—грѣхъ. Тылгунд можно передавать только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до рассказчика. Это отношеніе къ тылгунд—прямой результатъ основнаго міровоззрѣнія Гиляка, который все анимизируетъ и антропоморфируетъ, для котораго все одинаково реально—и дѣйствительное, и кажущееся, сущее и воображаемое, и явленія нормально воспринимаемыя, и явленія сна или галлюцинаціи, обыденное и чудесное. При такомъ міровоззрѣніи нѣтъ мѣста